

Бабушка моя Викентия Ивановна жила в маленьком флигеле, в котором было четыре комнаты. В одной жила бабушка, в другой — старый виолончелист Гаттенбергер, третью комнату бабушка отвела мне.

Бабушка очень одряхла, согнулась, былая её строгость исчезла, но всё же она не изменила своих привычек: вставала на рассвете, открывала настежь окна и готовила на спиртовке кофе. Выпив кофе, она выходила в сад и читала, сидя в плетёном кресле, любимые свои книги. Часто она засыпала за чтением — седая, вся в чёрном, положив худые руки на подлокотники кресла.

Я дружил с бабушкой. Я любил её больше, чем всех своих родных. Она мне платила тем же. Бабушка воспитала пять дочерей и троих сыновей, а в старости жила совершенно одна. У неё тоже, по существу, никого не было. Из этого нашего одиночества и родилась взаимная привязанность.

Бабушка вся светилась лаской и грустью. Несмотря на разницу лет, у нас было много общего. Бабушка любила стихи, книги, деревья, небо и собственные размышления. Она никогда меня ни к чему не принуждала.

Я часто бывал на концертах в Купеческом саду. Оркестр играл в деревянной белой раковине, а слушатели сидели под открытым небом.

Но особенно я любил пасмурные сырые вечера, когда в саду почти не было посетителей. Тогда мне казалось, что оркестр играет для меня одного и для молоденькой женщины с опущенными полями шляпы.

Я встречал эту женщину почти на всех концертах. Она внимательно поглядывала на меня. Я украдкой следил за ней. Один только раз я встретил её взгляд, и мне показалось, что глаза её блеснули лукавым огнём.

Скучное киевское лето наполнилось мечтами об этой незнакомке. Оно тотчас перестало быть скучным. Оно зашумело звонкоголосыми дождями. Они лились с высокого неба, хлопотали в зелени садов. Стеклянные капли, слетая с туч, будто били по клавишам — частый звон наполнял мою комнату.

Мне казалось подлинным чудом, что так может петь обыкновенная вода, льющаяся с крыши в зелёную кадку.

За лёгким дымом этих «слепых дождей» и сиянием радуг где-то рядом жила незнакомка. Я был благодарен ей, что она появилась и сразу же изменила всё вокруг. Даже тротуары из жёлтого кирпича, покрытые маленькими лужами, казались мне теперь милыми и сказочными, как у Андерсена.

До сих пор я не знаю, как назвать это состояние. Но оно настоятельно требовало выражения. И вот в то жаркое лето с его «слепыми дождями» я впервые начал писать.

Я скрывал это от бабушки. Я говорил ей, удивлённой тем, что я часами сижу в своей комнате и пишу, что готовлюсь к гимназическим занятиям по литературе и составляю конспекты.

В те дни, когда в Купеческом саду не было концертов, я уезжал на Днепр или на окраину города, в запущенный парк «Кинь грусть». Я забирался в самую глушь, где стоял заброшенный дом, садился на ступеньки террасы и читал. Я ждал. Я был уверен, что именно здесь, в этом парке, встречу свою незнакомку.

Но она не приходила, и я возвращался домой самым длинным путём.

Бабушка ждала меня. Маленький круглый стол в её комнате был накрыт скатертью. На нём стоял ужин. Иногда она говорила, что соскучилась одна за весь этот длинный день, но никогда не бранила меня за то, что я пропадал так долго.

— Молодость, — говорила бабушка, — имеет свои законы. Не моё дело в них вмешиваться.

Я написал рассказ, в котором было это киевское лето: незнакомка в Купеческом саду, «Кинь грусть», ночи и мечтательный гимназист.

В Киеве в то время издавался журнал со странным названием «Рыцарь», куда я после долгих колебаний всё же отнёс рассказ. Через два дня пришла открытка от редактора. Он писал, что прочёл рассказ и напечатает его в ближайшем номере журнала.

Бабушка, конечно, прочла эту открытку. Она даже всплакнула, перекрестила меня и поцеловала:

— Ну, трудись и будь счастлив. Видно, Бог сжалился надо мной и принёс мне напоследок эту радость.

Она радовалась моему первому рассказу больше, чем я.

Когда вышел номер «Рыцаря» с этим рассказом, бабушка даже испекла пирожки и устроила праздничный завтрак.

К завтраку она надела чёрное шёлковое платье. Чёрные её глаза смеялись, когда она смотрела на меня.

Осы садились на вазу с вареньем. А Гаттенбергер, как бы догадавшись о том, что происходит у нас, играл мазурку и притоптывал в такт ногой.
(По К. Г. Паустовскому*)

Паустовский Константин Георгиевич (1892-1968) — известный русский писатель, классик отечественной литературы.